

Александр Вовк

Тайна палаты №6

Повесть

12+

Александр Вовк
Тайна палаты №6

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Вовк А. И.

Тайна палаты №6 / А. И. Вовк — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Романтическая криминальная повесть. В ней сложно переплелись судьбы многих людей, подлинная любовь, изощренная месть, алчность, заблуждения, попытки разобраться в прошедшем, настоящем и будущем, безысходность, надежды, меркантильность, беззаветная порядочность и многое другое.

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Часть первая

Глава 1

Утро, мягко стирая границу между светом и тьмой, незаметно превращалось в летний день. Чистый диск солнца висел пока низко над магистралью, заставляя шуриться водителей, стремящихся на юго-восток. Белая «Камри», замиравшая на пару ночных часов рядом со случайно подвернувшейся заправкой, опять летела в сторону Черноморского побережья.

Измученная бессонной ночью Алёна иногда приоткрывала глаза и провожала резво отлетающие назад придорожные пейзажи, но больше дремала, слегка отклонив спинку крепко охватившего ее сиденья. Дмитрий расслабленно удерживал послушную «японку» на дороге и копошился в воспоминаниях, изредка им улыбаясь.

Приятная своей несовременностью музыка обволакивала салон томной мелодией тоскующего саксофона и скрипки, рыдающих в унисон.

– Где мы? – почмокала пересохшими губами Алёна, не открывая глаз.

– Почти восемьсот накрутили. Воронежские машины всё чаще попадаются! Значит, скоро и город... Может, Аленький, остановимся? Соня ты моя, засоня! Неужели не проголодалась?

– А ты уже хочешь? Я бы подремала чуток... – отозвалась Алёна, с удовольствием потягиваясь и ощущая блаженство оттого, что он опять рядом, опять она ему дорога, а он бесконечно дорог и близок ей.

– Тогда молчу! Но если подвернется удобное и красивое местечко, желательно, министерское, то всё равно разбужу. Не обижайся! Кстати, скоро мы увидим самую длинную в мире ворону! И к тому же она ещё никогда не покидала своё насиженное место.

– Ну тебя, Димка, опять шутишь? Какая еще длинная ворона? По-твоему, бывают короткие?

– Так вот и она, длинная! Смотри, на табличке по-русски написано: Во-ро-на!

– Так это же река! Река Ворона! А я уж подумала и впрямь что-то невероятное! Длинная... Разыграл меня спросонья! Значит, теперь моя очередь... – легко засмеялась Алёна.

Они всё мчались, смирившись с давно утомившей их сменой дорожных декораций. Алёна, отстранившись от движения, ушла в себя. Какие странности иной раз происходят в жизни самых обыкновенных людей, думала она. Расскажи ей кто-то о ней же такое, произошедшее с ней наяву, она бы засомневалась либо в достоверности рассказа, либо в искренности рассказчика! Но всё это было! Действительно было с ней. Давно и совсем недавно.

И вообще, странно вдруг осознать, как многим в нашей распланированной жизни управляет этот лукавый батюшка случай! С какой лёгкостью он вертит человеческими судьбами! Иногда ставит людей на голову, иногда на колени! Тем не менее, люди, – до чего же они всё-таки глупенькие, – беспечно продолжают с ним не считаться, наивно рассчитывая на своё призрачное везение. Мол, опять пронесет, обойдется, проскочим. Но случаю того и нужно, – не взирая, на их заблуждения, он осуществляет задуманные гадости с жесткой и расчетливой фантазией, действием доказывая свои беспредельные возможности, а радуется нас своей щедростью настолько редко, что мы уж и не помним, когда было это в последний раз...

Разумеется, очень странно, думала Алёна, почему люди, даже сильно обжегшиеся на своей беспечности, совсем не дуют на воду, как уверяет нас пословица. Они лишь немножечко, первое время, поведут себя настороженно и испуганно, обещая себе впредь быть более бди-

тельными и более разумными, но очень скоро обо всё забывают и опять беспечно прут напролом, надеясь на зыбкость привычного и родного авось.

И я такая же дуреха, поскольку глубоко в душе всегда лелеяла глупую надежду на свою исключительность, которую должна же, в конце концов, заметить и оценить моя недоброжелательная хозяйка-судьба. А сделав это, она, ввиду безусловной ко мне привязанности, о которой сама еще не догадывается, возьмет и по-царски меня отблагодарит. Если дождусь я, конечно, от нее подобного озарения! Смех смехом, но события последнего месяца уже вселяют усиливающуюся день ото дня надежду. Ведь, надо же! Всё так неожиданно и хорошо в моей жизни вдруг перевернулось, что благодарить остаётся лишь его, мой неиспользованный до сих пор счастливый случай...

Раньше всё было иначе. Потому многие годы Алёна не забывала ни на минутку, перелистывая и перелистывая в памяти непростые, подчас остро ранящие, но дорогие моменты своей семейной и полусемейной жизни, и их последующие судьбы – свою и Димы, сложившиеся уже порознь. Но тогда, еще вначале их пути, Димка был лихим курсантом военного училища, и она, в свои романтические восемнадцать, безумно в него влюбилась и доверилась во всем. И ведь не жалела о том многие, как выяснилось позже, столь короткие годы, сияя от безмерного счастья, – на зависть школьным и институтским подругам.

В 91-м у них родилась Настенька, а следом и Дашутка. И опять всё у них ладилось, хотя и очень трудно было. Даже пришлось перевестись на заочное отделение химико-технологического института, казавшегося к тому времени ей родным. А Димке оставался еще год до выпуска. Ничего! Как-то справлялись. Иногда мама помогала. Особенно, в экзаменационные сессии. Да и преподаватели тогда еще нормальными советскими людьми оставались – как узнают о двух моих доченьках-погодках, так сразу по-отечески начинают меня, молодую мать, опекать. Мне и не нужны были их щедрые поблажки, но особо доброе их отношение было всё-таки приятно. Как-то приподнимало оно над всеми, над собой. Напоминало, что, родив двух своих девонек, я выполнила первую часть важной государственной задачи. И теперь я обязана сделать всё, чтобы они выросли замечательными и полезными для моей страны людьми.

Только нежданно-негаданно сильно вдруг зашаталась та опора, в надежности и устойчивости которой мы никогда не сомневались, на которой держалось не только счастье молодой семьи Алёны, но и миллионов других семей. Уж, что угодно можно было вообразить, но только не это! Тем не менее, могучая страна, перенесшая в своей истории множество исключительных бед и невзгод, будто разом вся с ума сошла и принялась безжалостно разрушать саму себя изнутри. Димка еще шутил, что мы готовились к отражению внешних врагов, а о коварности внутренних врагов, живущих и жирующих рядом, почему-то забыли. Вот они и взяли реванш за многие годы утаивания в подполье своей подлой неискренности и враждебности к нам, честным людям. Капитализм и его частная собственность, безмерно обостряющая в человеке его худшие звериные качества, открыли нечестным людям путь к преступному обогащению.

Снабжение продуктами сразу стало главным средством убеждения населения в выборе, за кем ему идти – за надоевшими коммунистами или появившимися ниоткуда демократами? Полки в магазинах преднамеренно опустели. Цены стали непомерными. Торгаши почувствовали свою власть над населением и нагло пользовались ею, реализуя вечную идею собственного обогащения.

Это уже теперь, когда многое пережито и осталось позади, те страшные времена можно вспоминать как угодно, даже с покровительственной улыбкой, а тогда ведь никто не знал, выживем ли мы вообще или нет? И это «нет» казалось нам куда реальнее, нежели благополучный исход из унижительной нищеты. Оттого каждый выживал, как у нас говорят, самосто-

ятельно – кто, как мог, кто на что решался, кто на что годился. По принципу: каждый за себя, один бог за всех! Потому и коллективизм, испокон веков присущий русскому народу, всё чаще пробуксовывал.

Люди всё реже объединялись для решения общих проблем. Они, обложенные преступной властью со всех сторон, тем не менее, не могли ничего понять и считали себя неудачниками, себя же и винили в беспросветной нищете, а потому смирялись с тем, что и дальше придется мучиться в этой ужасной безысходности. Они покорно подчинились обстоятельствам. И это были уже не прежние целеустремленные борцы с неизменными трудностями, а униженные и сломленные тени, которые были не в состоянии стать народом! Тем более, великим народом!

Нервы у всех были напряжены сверх всякого предела. В такой обстановке нравственно нестойкие людишки легко отбрасывали неписанные правила, которыми в любом обществе являются моральные устои. Народ от отчаяния быстро зверел, забывая о совести, народ сатанел. Но в эти же страшные дни кто-то стремительно наживался, хотя основная часть людей не выдерживала вселенской обстановки морального разврата и стремительно оставляла этот мир. Кто уходил от голода, кто от холода. От инфаркта или инсульта...

Начался мощный процесс расслоения населения на тех, кто еще придерживался старой человеческой морали, и на тех, кто успел приспособиться к новым развращающим людей условиям. Последние радовались установившемуся беззаконию, посмеивались над первыми и изредка бросали им обглоданные кости, таким образом, порабощая бедолаг своей усиливающейся алчностью, уже разрешенной, уже получившей официальный статус. Статус движущей силы прогрессивных частнособственнических перемен в еще помнившей справедливость некогда социалистической стране.

Народ быстро устал, чтобы оставаться прежним, настоящим народом, то есть, той частью населения, которая весьма активна в достижении именно общих интересов этого самого народа, всего единого народа. Потому известный миру великий советский народ быстро превратился в бессильную, послушную, ничего не значащую человеческую массу, готовую на все, за исключением борьбы за собственное спасение.

Население, которое под руководством Сталина впервые в своей истории стало действительно великим народом, – которое почувствовало это само и доказало всему миру, – теперь, лишившись мудрого и порядочного вождя, оказалось всего-то весьма жалким сбродом, неспособным защитить ни себя, ни своих детей, ни будущего своей страны. Отныне и надолго население превратилось в тупой, запуганный и послушный электорат.

Глава 2

Сейчас Алёна с удовольствием вспоминала, как тогда в их молодой семье установилось то удивительное доверие, которое называется безграничным. Но ведь и оно не исключало маленьких, а иногда и больших личных тайн, хотя это обстоятельство никогда не вызывало у супругов стремления их выведать и уж, тем более, шарить по карманам или следить друг за другом. Болезненной подозрительностью никто не страдал, вспоминала те счастливые деньки Алёна.

Однако всё расстроил единственный, но фатальный случай. Опять случай! Понятно, что не только над нами он обладает огромной властью, но зачем использовать её столь коварно и безжалостно? Почему он, будто играючи, запутывает людей и сбивает их с пути праведного? Почему затуманивает их сознание нелепыми подтасовками фактов, из-за чего они принимают важные, но неверные решения?

В иное время случай не показался бы столь могучим, если бы удалось всё спокойненько обдумать, разобраться и тем самым как-то предотвратить беду... Но случай умеет быть коварным – он заранее всё устраивает так, чтобы наверняка добиться своего, независимо от истины, независимо от обстоятельств... Он не оставляет несчастным время для оценки обстановки и принятия верного решения. Он умело опирается на наши ошибки, им же и спровоцированные.

В тот давний злополучный день Димка примчался на обед и сразу объявил, торопливо поцеловав Алёну, что опять заступает на сутки в наряд, уже седьмой в этом месяце, а голова итак трещит от хронического недосыпания. Он и впрямь был рассеян более обычного, и едва не заснул за столом. Понятливая и по-женски заботливая Алёна, бросив глажку белья, прихватила дочурок и ушла на часок погулять, пока супруг отдыхает. Девочек уговаривать не пришлось – они всегда гуляню рады – быстренько оделись и убежали.

Когда все вернулись, Димка еще спал, со всей очевидностью не собираясь подниматься, хотя ему давно следовало поторопиться. Алёна, походя, подняла лежащий на полу китель мужа, чтобы аккуратно повесить его на спинку стула. Из кармана выпало Димкино удостоверение личности и незнакомый ей конвертик, согнутый пополам. Руки непроизвольно к нему потянулись... И пока ее девочки, стараясь не шуметь, помогали в кухне друг дружке раздеться, она вчиталась. Остановиться было невозможно:

«Милый мой Димка, здравствуй! Я давненько тебя не видела, очень соскучилась, но сейчас это и не важно. Важно лишь то, как я к тебе отношусь, а ты ко мне. Очень-очень жду твоего ответа, потому что многое помню и на многое теперь готова, ради тебя, ради нас с тобой! Целую тебя, твоя Валентина».

– Ничего себе, – растерянно, как после удара грома, произнесла Алёна. – На многое готова... Да что же это происходит... Что за Валентина... А ну, вставай! В наряд он собрался... Что это такое? – трясла она листком перед носом обалдевшего спросонок Дмитрия.

Какое-то время супруг ничего не понимал, но, сообразив в чем дело, как-то странно, всей ладонью, погладил ухо, потом затылок, фыркнул, крикнул, усмехнулся и принялся одеваться.

– Нет! Вы поглядите на него! Я же тебя, Дмитрий, спрашиваю, что это такое? Кто такая эта Валентина, на многое готовая ради тебя? Ну почему ты молчишь?

– Алёна, я потом всё-всё объясню. Ну, понимаешь ведь, я очень спешу! Ты же видишь, уже должен из дома выйти... Не время скандалы устраивать! Да и причин, даю тебе слово, нет. Никаких! – он улыбнулся и привычно потянулся к жене, чтобы поцеловать ее перед уходом, но не тут-то было. Супруга закусила удила...

– Никуда ты не пойдешь, пока мне всё не объяснишь! Подождет твой наряд, подождет и Валентина твоя ненаглядная! – Она кипела и негодовала, как никогда. И Дмитрий нехотая подумал, что с женой он не промахнулся – красота ее очевидна, а внутренняя силища в такие вот моменты настолько ее украшает, что и сил нет никаких, чтобы тут же не обнять ее, чтобы не зацеловать. Но жена не успокаивалась, оставаясь в этот миг недоступной. – Вот что! Если ты сейчас уйдешь... Если... Если сейчас уйдешь... То и не возвращайся! Всё равно, не пушу! – выпалила она то, чему сама изрядно испугалась.

Дмитрий без слов надел фуражку и вышел вон.

Та история, множество раз выстраданная за эти годы, опять с мельчайшими деталями прокрутилась в памяти уязвленной Алёны, только теперь она, когда всё осталось позади и Дмитрий снова рядом с ней, не вызвала прежнюю боль и слезы.

Но самое глупое, припомнила Алёна, было сделано ею следующим вечером, когда Дмитрий вернулся домой после своего суточного наряда, как всегда выжатый, желающий только уснуть.

Прошедшие сутки Алёна хоть и справлялась с привычными домашними делами, но не находила себе места. То она плакала от обиды на Дмитрия и от собственной беспомощности, то гневилась на него и на себя, оказавшуюся бессильной изобразить неосведомленность об измене мужа и выяснить важные подробности как-нибудь иначе, мягче, хитрее, чтобы пощадить собственное и его самолюбие. Но не могла сосредоточиться, невпопад отвечала насторожившимся

дочкам, опрокинула на себя кастрюлю с горячим супом, подряд грохнула две тарелки и, наконец, до крови порезала себе палец. Ее руки постоянно тряслись от утомляющей неопределенности, жутко угрожающей ей самой и ее девочкам.

Она была уверена, что Дмитрий обязательно вернется вечером, но не могла решить, как к этому отнестись. То ли упереться в дверях, не впуская его в квартиру, то ли сделать вид, будто ничего существенного между ними не случилось, лишь усмехнуться и безразлично произнести что-то типа: «Есть-то, будешь? Или потом, когда дочурок уложим?» Только для такого спектакля выдержки у нее явно не хватит!

И она снова и снова возвращалась к тому, что минуту назад уже приказала себе не ворошить. И опять нервничала, опять плакала и злилась на себя, хоть и понимала, что дело-то не в ней, и не в нем! Покоя и ясности не обрести, пока Алёна не узнает истинные намерения мужа и той самой Валентины. Что у них там было? Как было? И Алёна опять, уже в который раз скатывалась к исходному моменту своих размышлений и болезненных фантазий. Что ей делать? Как ей поступить, если Дмитрий вернется домой? А если не вернется? Ну, как? Что ему сказать? Как удержаться от слез, от злости на него, от оскорблений неявно стоящей между ними соперницы? Как? Как? Ответов на множество важнейших вопросов она не находила и оттого злилась и всё глубже погружалась в парализующее волю смятение и неспособность что-то решать.

А когда Дмитрий, как всегда осторожно, чтобы ненароком не разбудить дочурок или прикорнувшую от хозяйственной маяты жену, вошел, наконец, в их прихожую, Алёна вышла к нему с заготовленной надменной улыбкой. Дмитрий ей в ответ радостно улыбался, держа перед собой ее любимые, с дурманым запахом ландыши. И этот дурман сделал своё черное дело. Алёна, сознавая, что говорит всё против своей воли, о чем потом пожалеет, съязвила:

– И это вместо объяснений? А цветочки эти ты ей отнеси... При нашем скудном бюджете только букеты и осталось покупать...

– Алененок, – так Дмитрий называл ее в минуты особой нежности. – Давай не будем! Неужели какая-то бумажка, которую я и прочесть не успел, испортит наши отношения! Ну, не дуйся же ты!

– Уходи! Ты мне... Ты нам больше не нужен... Не нужен! У меня, может, тоже есть кое-кто... – выкрикнула Алёна и убежала в спальню к дочкам.

– Вот это, уже другое дело! – отрубил Дмитрий, удивляясь мгновенно закипевшему в нем возмущению и обиде, наверняка, беспочвенной. Но внутри уже клокотало от прилива злости, первой злости за их совместную жизнь. Он резко прошел в комнату, собрал какие-то военные вещички, взял из ванной подвернувшиеся под руку причиндалы, в сердцах швырнул под стол неповинный букетик ландышей и вышел прочь.

Он пока не сознавал на всю глубину, сколь огромную ошибку совершает с такой легкостью. Он не мог знать наперед, что почти двадцать лет последующей жизни будет пытаться ее исправить, но восстановить в полной мере то, что так глупо разрушал в эти минуты, уже не суждено будет никогда. Для того, следовало действовать иначе с самого начала. Но теперь дело сделано! И даже финальная точка жирно поставлена.

Он еще не знал, что это именно так...

Глава 3

И сколько изматывающих лет, думала теперь Алёна, два близких человека безжалостно изводили себя, стремясь на основе необоснованных и пустячных обид достичь невозможного – забыть того, без кого раньше не мыслили своего существования. Будто так уж важно, кто уступит первым и первым подойдет, протягивая навстречу любимому человеку распахнутую

настежь душу и руки? И настолько важно, кто первым отважится задавить своё самолюбие, проявив житейскую мудрость, ради того, кого любит?

Но все эти годы они стойко придерживались своих принципов, коверкающих им жизнь, которая каким-то странным образом устраивала-таки ранее невозможное. Потому они, художбно, продолжали жить врозь, подозревая друг друга в том, чего не было, потеряв доверие как раз в те труднейшие годы, когда больше всего нуждались в помощи бесконечно родного и надежного друга.

Многие ошибки, совершаемые людьми походя, исправить невозможно! Это иллюзия, будто выход есть отовсюду и всегда! Это неверно, будто можно вернуть что угодно, и всё исправить, а в некоторых случаях даже начать жизнь сначала, мудро избегая прошлых ошибок!

Так уж мир наш устроен, что в одну и ту же воду нельзя войти дважды! И ничто не проходит бесследно. Жизнь всегда и на всём оставляет свой несмываемый отпечаток. Её нельзя переписать набело! Ее нужно проживать сразу и без черновиков. А за ошибки придется – нет! – не платить! Придется расплачиваться! Чем? В лучшем случае, прожитыми бессмысленно впустую годами. Расплачиваться частью изуродованной своими же неправильными действиями жизни! Упущенными возможностями. Украденными радостями и дополнительными муками своих же детей. Страданиями и сединой родных.

В жизни нельзя вернуться назад, чтобы сделать ее умнее, честнее, порядочнее...

С какой же легкостью нами разрушается то, думала сейчас Алёна, что так трудно и долго создается, во что вложено столько сил, времени и души! Как больно понимать это задним числом, когда... когда годы прошли... Мне почти сорок, совсем старуха... Хотя вижу, что Димке еще нравлюсь! Он по-прежнему загорается весь, когда я напускаю на него свои женские чары...

Глава 4

Месяц назад в чудом сохранившемся на первом этаже почтовом ящике Алёна обнаружила странную записку. В ней кратко, словно в телеграмме, оказался напечатанным ее адрес, фамилия и имя, но от текста веяло неформальной интригой:

– Уважаемая Алёна! Я пытался зайти к вам в гости проездом, чтобы повидаться, но не застал дома. Попытаюсь это сделать на днях (точнее не знаю), возвращаясь к себе в Воронеж. С уважением, ваш родственник.

И всё! Значит, опять объявился этот таинственный родственник, который систематически их выручал в самое трудное для них время. Однако ни Алёна, ни ее мама не знали и никогда не имели каких-либо родственников в Воронеже! Прямо-таки, добрый невидимый дух, опекающий всегда ее саму и ее девочек.

При этом важными всегда оставались два обстоятельства, связанные с духом. Во-первых, отказаться от его крупных денежных переводов под Новый год и подарков к дням рождения девочек и самой Алёны было никак невозможно. Она просто не знала обратного адреса своего доброго духа, и на почте его не знали, потому сожалели, что перевод «повиснет». Его просто некуда возвращать, «лучше уж получите вы его, девушка». А во-вторых, ей с девочками в те тяжелые годы без подобной помощи из Воронежа было бы не выжить. Приходилось смирять гордыню и получать столь необходимые деньги, не зная даже, кого благодарить за подобные щедроты?

Алёна, разумеется, предполагала, что всё это исходило от Дмитрия, но, не зная за эти годы о нем ничего-ничего, – он как в воду канул! – она не была уверена в правильности своей догадки. Да и злой он ушел... И не вернулся же. До подарков ли после такого расставания! Вот и продолжалась многие годы эта странная односторонняя связь с неведомым родственником-духом из Воронежа, в котором Алёна и не была-то никогда.

А теперь – на тебе – сам объявится! И как мне с ним быть? Не в ножки же кланяться, хотя именно это, по мнению Алёны, он вполне заслужил. И вернуть все его подарки и, тем более, деньги, до сих пор нет никакой возможности. Тупиковая ситуация. Впрочем, он, конечно, и не примет свои дары обратно. Ему от меня что-то другое нужно. Может, и не старик он вовсе! Боже, ты мой, о чем я? И что мне делать, если явится? Как же выпутаться из этой странной истории?

Но уже назавтра, среди бела дня в ее окно на шестом этаже постучали... Алёна вздрогнула, удивившись, неужели проклятый подоконник за окном стал дребезжать даже в безветренную погоду. И кто его, наконец, закрепит? Но оказалось, что стучит бльнька! Она сразу вспомнила это название их детской шалости и легко рассмеялась. Когда-то они прикрепляли канцелярской кнопкой над окном друзей нитку с камешком, к которому в кусты тянулась другая нитка. Подергаешь ее, камушек в окно и постучит... Шутка особенно хорошо удавалась в темное время.

Теперь же на веревке за окном раскачивалась изящная корзинка с роскошными цветами. Алёна сквозь тюль опасно поглядела на внезапную «бльньку», как-то объявившуюся на ее шестом этаже, заглянула наверх – кто там шутит? Потом раскрыла окно и, притянув корзинку, отвязала ее.

Любопытство и радость не уместались в груди, предчувствующей нечто приятное! Под цветами в корзинке лежал красочно оформленный пакетик, а в нем – о боже! – пятьдесят грязно-розовых купюр. Двести пятьдесят тысяч! Алёна таких денег и в руках-то никогда не держала, потому задохнулась от испуга. Зачем-то опять выглянула в окно – может, не ей всё это предназначено? И, вся дрожа, брякнулась на диван, не выпуская цветов. Наконец она прочитала открытку. Так и есть! Опять этот чудак из Воронежа! Значит, он уже здесь! На крыше, что ли?

В это время прозвучала мелодия их звонка – значит, кто-то стоял у двери в подъезде. Алёну бросило в жар.

– Только бы Димка! Только бы Димка! – заклинала она судьбу, не очень щедрую на сюрпризы, и вспыхивала от радостного предчувствия. Потом сосредоточилась, (не зря она была на хорошем счету в должности старшего инженера-химика на чудом сохранившемся с советских времен заводе химических волокон) поправила расческой копну красивых волос и распахнула дверь.

А когда обнаружила перед собой Дмитрия, то голова Алёны предательски закружилась. Она оперлась о дверной косяк и произнесла восторженным шепотом:

– Так это ты? Ты проездом... из Воронежа?

– Это я, Аленёнок! Но не из Воронежа! И не в Воронеж! Я к вам! Я – домой!

Обрадовавшись откровенной радости Алёны от их встречи, но ещё слегка опасаясь ее непрогнозируемой реакции, Дмитрий отставил в сторону кожаный чемоданчик и приблизился к жене. Она резко припала к нему всем телом и запричитала всё тем же шепотом, потому как говорить ей мешал комок в горле:

– Ну как ты мог? Как ты мог?

– А где наши дочурки? – тоже шёпотом спросил Дмитрий, запоздало испугавшись, что услышит в ответ – ну, какой ты им отец? А потом еще сильнее прижал к себе родного человечка и зарылся в пахучих, любимых ему волосах, воспоминания о которых так часто не давали ему спать.

Но Алёна ответила напрямую, ни на миг, не выпуская Дмитрия из своих объятий:

– Дашутка после института у бабушки останется, а Настенька совсем самостоятельная у нас. У нее скоро свадьба... Давай, пока не будем звонить девочкам... Проходи же...

– Я так и думал! – промычал первое пришедшее на ум Дмитрий, уже не понимая, к чему относятся его слова. Голова шла кругом от благополучного финала, к которому он стремился много трудных и бесконечных лет, часто теряя надежду, часто теряя веру в то, что хватит сил, чтобы дождаться, чтобы достичь, чтобы дожить...

Глава 5

Двигатель Тойоты приятно урчал, и она уверенно летела к морю, словно изящная газель, крепко держась за дорогу новыми узорчатыми шинами, вносящими, как и ветер, свой вклад в ненавязчивый шум стремительного движения.

Алена уже не спала, хотя и продолжала лежать на слегка отклоненном сиденье. Она исподтишка поглядывала на своего Димку. По-прежнему красивый, он стал совсем другим. Не чужим, – совсем родным, но другим. Теперь его облик излучал уверенность зрелого мужчины, которому пришлось не только преодолеть множество значительных трудностей, но и познать радость покорения вершин, недоступных каждому. С ним ей было хорошо и тогда, и особенно сейчас. Оставалось лишь горько сожалеть, что много лет он провёл далеко от нее. Может, ей и удалось бы уберечь его голову от нынешнего обилия седины.

– Какой же ты худющий, Димка! – вырвалось у Алёны в порыве накотившей нежности.

– Это поправимо, – отшутился он. – Главное, чтобы мозги не похудели, да чтобы руки не опустились!

– Философ!

– Нисколько! Просто, я знаю, что хочу в этой жизни. И что могу, я теперь тоже знаю!

– И что же ты хочешь? – счастливо хохотнула Алёна.

– Честно?

– Как на духу! – включилась она в непонятную ей пока игру.

– Так я перед тобой иначе и не умею! Хотя, молчу! Было однажды! Ты, наверное, забыла, а я – никак! Я всё помню. И нередко всё вспоминаю...

Они замолчали, понимая, что подошли к своеобразному барьеру, за которым может открыться опасное и непреодолимое для обоих пространство. Но через минуту-другую Дмитрий продолжил затронутую тему.

– Да и как мне забыть тот злополучный день, в который я покрыл свою голову, прямо таки, неувыдаемой славой полного болвана! Я за многие годы сотни или тысячи раз переигрывал ту нелепую партию... И всегда удивлялся своему нелепому поведению в тот вечер. Хотя объяснения ему я потом находил. И они, на мой взгляд, вполне верные. Понимаешь, у каждого человека есть некий предел физических, моральных и прочих сил, после которого он ломается. Вот и я из-за хронической усталости, всех этих учений, нарядов, бессонных ночей на службе и дома – помнишь, как наши девочки по очереди ревели многие ночи напролет, – я тогда действительно подошел к своему пределу. Но был обязан терпеть, и я терпел, понимая, что вот-вот терпелка моя не выдержит, и тогда что-то случится. Знаешь, известны невероятные случаи, когда даже трусливые зайцы, доведенные обстоятельствами до отчаяния, бросались на волков, и те, чтобы случайно не пострадать, ретировались. Но я, скорее всего, ни на кого и не бросился бы. Я бы саморазрушился. Без малейшей надежды на ремонт. Ерунду я какую-то говорю, да?

– Ты говори, говори... Я тебя хорошо понимаю... Никто не поймет тебя, лучше меня. Просто тебе сейчас надо сбросить свой давний и тяжелый, уже ненужный нам груз. Ты его, Димка, нес все эти годы, словно мифический Атлант. Нёс ко мне! Нес, чтобы положить его к моим ногам, чтобы всё рассказать, чтобы я простила, чтобы я стала прежней... А теперь, когда между нами нет преграды, твой груз никому не нужен! Теперь его у нас нет! Правильно я тебя понимаю?

– Насчет Атланта ты явно приукрасила! – ухмыльнулся Дмитрий. – Но ты имеешь полное право иронизировать, хотя самого главного пока не знаешь! Помнишь то письмо, оказавшееся началом конца? Так вот! Я тогда даже не знал, от кого оно! Нет, я, конечно, знал о существовании в нашем дворе какой-то мелкой девчонки... Только и всего, поверь мне! А тут получил это письмо. Для меня оно стало неожиданным, но и совсем ненужным! Я его впопыхах прочитал, конечно. Ничего не понял – причем здесь я? И в чём признания, мне ли это? Но из-за хронической своей замотанности не сообразил даже, что лучше бы от такого письма сразу избавиться. Однако же – оставил зачем-то! Можешь еще подумать, будто собирался хранить его для удовлетворения своего мужского тщеславия! Вот, мол, как я девчонок с ума свожу! Даже письма какие-то мне пишут! И вот! Ты его сразу обнаружила. Просто непостижимо, как плотно, подчас, у несчастных людей переплетаются самые гадкие обстоятельства!

Алена смотрела на мужа, не отрывая глаз.

– Ну а когда письмо я увидел в твоих руках, мгновенно уяснил, что, так сказать, приплыли! Теперь никакие объяснения не помогут мне восстановить твое доверие. Даже, несмотря на то, что ты всей душой желала, чтобы вся эта история оказалась твоим бредовым сном, сомнения всё равно бы не развеялись. От острого понимания столь глупого крушения прежней жизни, меня, словно, паралич мозга разбил – я совсем не соображал, как мне выпутываться. Без вины виноватый, я не знал, как мне оправдаться перед тобой, как тебя успокоить! Ведь я страдал не за себя, а за тебя. Я-то знал наверняка, что не виноват перед тобой, но ты ведь этого не знала и мучилась невероятно. Мне тебя так было жалко! Но я будто вне закона оказался – ты не была готова слушать мои аргументы... Да их и не было! Что я мог сказать? Что это странная ошибка? Но даже это сказать не имел права, поскольку ты держала в руке письмо, спрятанное мной от тебя, и имела веские основания меня подозревать! «Как это, не было?» – могла удивиться ты. А письмо с признаниями!

– Ну, хорошо! Допустим, теперь я тебе верю! – поддела Алена. – Но зачем незнакомой тебе, или почти незнакомой Валентине, писать те письма, полные любви? Она что, сумасшедшая?

– Это тебе лучше знать! – огрызнулся Дмитрий. – Тут, наверное, сработала ваша, чисто женская логика. А уж, с какой целью она сработала, я не знаю. Может, эту Валентину одиночество замучило. Вот и перебирала знакомых ей с детства парней.

– Ну вот! Всё же – знакомых! – прицепилась Алёна.

– Не придирайся к словам. Мне и без того говорить с тобой об этом трудно. Я постоянно боюсь, что ты вот-вот засомневаешься во мне. А та Валентина, возможно, из-за зависти это сделала. Или более дальние планы на меня имела. Кто же знает, кроме нее? Только сработала она с точностью, прямо-таки ювелирной! Ведь добилась своего, нас рассорила! Однако, что очень странно, результатами своей интриги не воспользовалась. Может, ее совесть замучила! Разве вас, коварных и целеустремленных женщин, мне понять под силу?

– И ты ее потом не встречал, не говорил с ней?

– Конечно, нет! Только в детстве. Где-то там, в песочнице она возилась, как и прочая мелюзга. Разве парни моего возраста смотрели на эту мелочь? Одно лишь повторять буду под любой присягой, даже на смертном одре – «не виноватая я, он сам пришел! Или, она сама пришла!»

– Ну а потом? Потом ты пробовал жениться?

– Было дело... Только не мог я... и со мной никто не мог ужиться, поскольку видели, что тебя не забываю, в них тебя ищу. Стало быть, не соответствовали они моему идеалу! Не могли сравниться с тобой, мой славный Аленёнок! Я к этому сам пришел и после второй попытки жениться поставил на себе крест. Да и зачем тешить несчастных, в общем-то, женщин напрасными надеждами. Зачем им жизнь из-за меня опять портить? У них – своя, у меня – своя! И

только у нас с тобой она может быть общей! Так, может, тормознём на этом разговоре? Заодно и позавтракаем! Согласна? Тогда, подъем! Лежебока!

Глава 6

После умывания и короткого завтрака, разложенного Алёной на траве поверх заготовленной клеенки, они помчались дальше. Алёна с интересом поглядывала по сторонам, но чаще ворошила свои беспорядочные мысли и случайные воспоминания. Потом отогнула солнцезащитный козырёк, за которым располагалось зеркальце, и принялась без видимой нужды причёсывать свои роскошные волнистые волосы.

– Как же мне нравятся твои волосы, и как я люблю смотреть, когда ты ими встряхиваешь! Во мне при этом что-то переворачивается!

– Так мы же, блондинки, все дурочки! Скажи мне только, откуда такая глупость пошла? И все, не глядя на ее абсурдность, с радостью подхватили. Видно, приятно им считать кого-то глупее себя.

– А у них самим-то волосы нужного цвета, да с мозгами всё равно проблемы! Они, Аленький, блондинкам просто завидуют! – Дмитрий красиво ухмыльнулся, покосившись на Алёну. – Вроде, пустячок, но он служит диагнозом не отдельному, так сказать, индивидууму, а всему нашему больному-пребольному отечеству! Что у людей в голове, то и на языке! Дурь высокой концентрации у них и тут, и там! И чего же от них, убогих, нам ждать? Уж не того, конечно, что сами осознают, наконец, все опасности и начнут страну спасать!

– Какая милая песенка... «Попробуй не краснеть, когда тебе шестнадцать...» – промурлыкала Алёна вслед за поющими поочередно двумя исполнителями. – Что-то плакать захотелось... Даже реветь! – Сказала Алёна и действительно отвернулась, пряча накатившиеся слёзы.

– И мне хочется. Когда оглядываюсь на наши шестнадцать, двадцать, тридцать... – Искренне поддержал ее Дмитрий.

– Почему ты не сразу вернулся? В тот же день! Ну как ты мог меня оставить! Да еще одну! С девочками! Без средств. Как ты мог! – упрекала она его, уже глотая ненужные теперь, когда он вернулся, слезы.

Дмитрий долго молчал, а она с ответом и не торопила, поскольку после своих слов испугалась за него. Даже плакать перестала. Нельзя же человека всё время за былое долбить!

– Если бы я сам это знал! Может, вожжа под хвост попала? Бывает, захочется, да не заможется! Случается и наоборот! Иной раз ерунда представляется важностью, а сама важность – ерундой! Глупость почему-то кажется гордостью, гордость – глупостью! Я просто боялся, что ты меня выгонишь... А я и без того уже был размазанным... Вроде мелочь, через себя переступить, но чем больше времени проходит, тем труднее это сделать! Но всегда тянулся я к тебе, как к северу магнитная стрелка. Тянулся, да не приближался. Трудно, знаешь ли, собственную глупость объяснять, – с досадой усмехнулся Дмитрий. – Только теперь меня с пути не свернуть! Теперь я мудёр, как никогда! И это ты меня в меня вернула! И даже не знаешь, как мне ты дорога! Уверен, что до сих пор не знаешь... И не узнаешь, наверное, потому как я и сам до конца этого не знаю. Знаю лишь одно, что ты – мой Аленьочек, родной и ненаглядный.

Последние слова Дмитрий почти прошептал, скорее для себя, нежели для Алёны. Для себя, потому что и впрямь не сознавал на всю глубину души, что его мечта, его Алёнка, опять рядом. Вот она, можно протянуть правую руку...

Алёна улыбалась, прикрыв от смущения и безмерного счастья мокрые глаза. Улыбалась в ответ его красивой любви, выраженной в столь несурзадной форме.

– У тебя не любовь ко мне, а будто какая-то пирамида! Египетская! Огромная и неразрушаемая! – придумала она, наконец, чтобы как-то преодолеть сильное смущение от нахлынувшей нежности к нему, когда-то брошенному ею на произвол столь безучастной к ним обоим

судьбы. – Так зачем мы впустую потратили самые ценные годы? Мы что с тобой – совсем чокнутые? – Алёна опять засмеялась звонким колокольчиком и прильнула к Дмитрию, стараясь не мешать.

– Чокнутые мы или нет, видно лишь со стороны. Однако почему мы торопимся на Юг, словно, нигде, кроме моря, и отдохнуть нельзя! Давай-ка остановимся в той гостинице, которую нам обещают километров через пять! А там – уже очень-очень спокойно, никуда не торопясь, поужинаем с легким виноградным винцом, погуляем с тобой ножками, если вокруг будет красиво, особенно, если есть хвойный лес, потом до отвращения выспимся в хорошей кровати... Ну а уж потом, если очень захотим, не спеша покатаем дальше. Сейчас, реагируя на твой единодушный аплодисмент, я уже понял, что мой план утвержден, как говорится, в целом! Потому предупреждаю, будь начеку, начинаю торможение, входим в плотные слои атмосферы...

Алёна одобрительно засмеялась.

– Ты такой остроумный стал. Моё длительное отсутствие на тебе, как оказалось, плохо не отразилось!

– Ну, что ты говоришь, Аленький? Что ты об этом знаешь? Когда трое суток по бездорожью, да по незнакомой безлюдной тайге порулишь туда, а потом еще трое суток обратно – и это ведь только по плану, а на деле, уж как придется! – то лишь разговоры с самим собой и спасают. Иначе ведь одичаешь без людей через поездку-другую. Еще и свихнешься! А мне этих рейсов пришлось сотни накрутить. Едешь так, то днем, то ночью, и никому ты не нужен! И ждут тебя лишь где-то там, далеко-далеко. Да и совсем не тебя, а лишь твой груз! Вот и рассуждаешь сам с собой. С собой и споришь! Там и отточил, так сказать, ораторское мастерство.

– Да, уж! Видимо, ты без меня не скучал! – весело подвела итоги Алёна, но он почувствовал, как ей стало жаль его, жаль даже теперь, когда все те трудности, о которых он легко вспоминает, навсегда остались в прошлом.

– А знаешь, Димка, меня уже много дней не оставляет какая-то неосознанная до конца, но глупая мысль, будто всё, что с нами случилось, кем-то было predetermined. Будто всё это случилось не потому, что мы сами с тобой накрутили, а потому, что нами кто-то крутил, зная заранее, что он с нами сделает. Ерунда ведь, да? Будто муравья соломинкой погоняют...

Дмитрий долго молчал, а Алёна не знала, о чём еще поговорить. Но он, видимо, что-то переваривал и неожиданно ответил:

– Знаешь, ничего странного в этом нет – так всё в действительности и есть! Всё в этом мире кем-то или чем-то predetermined!

– Удивил... Неужели ты религиозным в своей тайге сделался?

– Нет, конечно! Ты же знаешь, я всегда считал, что религия это удел глупых. Или чересчур напуганных! А я с точки зрения науки...

– Опять разыгрываешь! – засмеялась Алёна. – Какая еще у тебя наука?

– Квантовой механикой сия наука зовется, между прочим! Исходя из нее всё, что ещё только собирается произойти, где-то и кому-то уже известно. Кстати, этой наукой давно установлена возможность телепатии и возможность предсказаний будущего. И это не чьи-то пожелания, догадки или прогнозы, сделанные в трудный понедельник – это настоящая, очень сложная для нашего понимания наука! Никто пока не может понять этого, но сами фаты зарегистрированы самой серьезной наукой.

– Пусть так! Но ты-то, откуда всё это знаешь? Ты ведь не физик! Ты сто последних лет баранку в тайге крутил да медведей, говоришь, попугивал!

– Вот! Опять необоснованное и обидное недоверие! – стал смешливо обижаться Дмитрий. – Именно там, в тайге, среди медведей, я и слушал популярные лекции и по квантовой механике, и по астрономии, и по истории искусств, и истории религии. Образовывался,

как мог! Переслушал всю, наверное, русскую классическую литературу... Там время было... Читать-то за рулем не получалось, зато наушники нацепил – и в путь! А мои университеты со мной поехали! Идеальный учебный процесс!

– Димка, знаешь, я тебя не только люблю, но и уважаю! Очень-очень! Ты прямо многогранный такой, словно бриллиант! Всё время раскрываешься с какой-то новой стороны. Постоянно, чем-то удивляешь, как никто другой! – наговорила Алёна, любя.

– Вот об этом, пожалуйста, поподробнее... Кто этот другой? Впрочем, не надо! Мы с тобой в этом вопросе уже так наказаны, что даже воспоминания на эту тему нам не нужны. Верно я говорю? А, жена? Да вот и она, гостиница! По внешнему виду, вполне нормальная. Так что, заходим?

Глава 7

Как же чудесно, что мы догадались остановиться именно здесь, думала сейчас Алёна. И какая же я счастливая, улыбалась она, наблюдая, как ее Димка красиво спит. Ровно, спокойно, даже уверенно спит. И не храпит!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.